

18+

6

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ

Лина Вей

18+

Лина Вей

Смертельный квест

«Автор»

2026

Вей Л.

Смертельный квест / Л. Вей — «Автор», 2026

Девять человек. Одно письмо. Ни одного выхода. Артём Волков создал идеальный квест: девять комнат, девять загадок, ни телефона, ни связи с миром. Всё продумано — от мягкого света в коридорах до металлических фишек с номерами, которые участники сжимают в руках, как последние доказательства того, что они ещё живы. Но на стене первой комнаты появляется считалочка. Девять строк. Девять имён. И первая гаснет в темноте, не успев крикнуть. С каждой комнатой кто-то умирает. С каждой загадкой становится ясно: это не случайность, это — счёт. Кто-то ведёт его. Кто-то знает про каждого то, что каждый предпочёл бы забыть. Учительница, которая унижала. Врач, который выписал. Журналистка, которая написала. Парень, который удалил. Каждый — по капле, по слову, по бездействию — довёл до края девушку по имени Аня. А Артём, её брат, стоит у стены, руки в карманах, и говорит: «Я не убиваю». Лене Мироновой, психологу, остаётся решить: верить ему или нет. Потому что пока она думает, считалочка не остановится

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Письмо	5
Глава 1. Сбор на парковке	8
Глава 2. Вход	13
Глава 3. Первая комната	17
Глава 4. Тёмная комната	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лина Вей

Смертельный квест

Пролог. Письмо

Конверт лежал на полке для обуви у входной двери.

Дина заметила его, когда вернулась из магазина — два пакета, тяжёлые, с продуктами на неделю, потому что готовить каждый день она не любила, а заморозка решала. Она ставила пакеты на пол, разувалась, и тут — белый конверт, аккуратный, чуть выступающий за край полки, будто кто-то засунул его в щель между дверью и косяком.

Никакого обратного адреса. Никакой марки. Только её имя — «Дина Соколова» — и адрес, напечатанные так чисто и ровно, что Дина сначала подумала: курьер. Но курьеры звонят. И стучат. И не оставляют конверты в щели между дверью и косяком.

Она занесла пакеты на кухню, поставила молоко в холодильник, а конверт положила на стол — и пару секунд просто смотрела на него, будто он мог сам объяснить, откуда взялся.

Кухня у Дины была маленькая, но уютная. Жёлтые шторы, которые она сама сшила на старой машинке, доставшейся от бабушки. Машинка стояла на подоконнике — тяжёлая, чёрная, с ручкой-маховиком, которую надо крутить рукой. Дина ею не шила, только шторы один раз, но выбросить не могла. Машинка была красивая. Как вещь, которая стоит просто потому, что нравится.

На холодильнике — магнетики. Париж, Рим, Стамбул. Дина была только в Стамбуле, но магнетики покупала на «Ярмарке мастеров» — ей нравилось, как они блестят. Ещё на холодильнике висел календарь, и на сегодняшнем квадратике — четвёртое октября, воскресенье — она утром нарисовала маленькую звёздочку. Просто так. Просто хорошее утро.

Она заварила чай — листовой, из жестяной коробки с японским садом на крышке. Кружка была её любимая — бежевая, с отколотым краем. Она её не выбросила, потому что отколовшаяся часть была с другой стороны, и чай не выливался, и пить было удобно. Она села за стол, придвинула конверт ближе, подышала на чай.

Потом взяла нож для масла — он лежал рядом, на разделочной доске, потому что утром она мазала хлеб творожным сыром — и вскрыла конверт.

Бумага внутри была плотная. Не принтерная — другая, какая-то тёплая, с лёгкой шероховатостью, как у дорогих открыток. Текст напечатан типографским шрифтом, не домашним лазерным, а настоящим, с едва заметным вдавливанием букв в бумагу. Дина провела подушечкой пальца по строчкам и почувствовала, что буквы — выпуклые, настоящие.

Запах — тоже типографский. Не резкий, не химический, а такой, как от новой книги, которую только что открыл. Тёплый, чуть сладковатый, с горчинкой краски. Дина любила этот запах. В детстве она нюхала все книги в библиотеке — маме было стыдно, а библиотекарьша тётя Оля только смеялась: «Пусть нюхает, это лучше, чем жрать конфеты».

Текст:

Уважаемая Дина Соколова!

Вы приглашены на закрытый бета-тест новой квест-комнаты «Комната без окон».

Вы были выбраны потому, что ваш профиль идеально подходит для концепции.

Дата: 12 октября. Место: ул. Ленина, 14, бывший завод «Респиратор», корпус 3. Время: 19:00.

Просим вас иметь при себе полученную фишку с персональным номером. Телефоны на время прохождения изымаются — это часть формата.

С уважением, команда «Комната без окон».

Дина перечитала дважды. Потом рассмеялась — громко, от неожиданности, так что чай плеснул через край кружки на палец.

— О, квест! — сказала она вслух. Кухне. Никому. — Давно хотела.

Она и правда хотела. Полгода назад подруга Лера ходила на квест — «маньяк в больнице», или что-то такое — и две недели рассказывала: как искали ключ от подвала, как один парень так перепугался, что выбил дверь ногой, и им засчитали. Лера смеялась, показывала фото — все в бахилах и пластиковых фартуках, мокрые от пота. Дина смотрела и думала: хочу.

Но она не записалась. То работа, то кастинги, то — просто не до того. Жизнь как-то так сложилась, что всё важное откладывается, а неважное — делается само. Молоко покупается, шторы шьются, звёздочки на календаре рисуются. А квест — откладывается.

И вот — он сам нашёл её.

Дина достала из конверта фишку. Та лежала отдельно, в маленьком кармашке из кальки, привязанном к письму тонкой ленточкой. Дина развернула кальку, вытряхнула фишку на ладонь.

Фишка была тяжёлая. Металлическая, холодная, круглая — как монета, но больше, и толще. По краю — кантик, как у настоящих монет. На лицевой стороне — номер: 4. Выгравированный, не напечатанный, не выдавленный штампом, а вырезанный тонкими линиями, будто кто-то выводил их вручную. На обороте — ничего. Гладкий, чуть шероховатый металл.

Дина подкинула фишку на ладони. Тяжёлая. Красивая. Она любила такие вещи — тяжёлые, приятные на ощупь. Браслеты из толстого серебра, перстень-печатку, который носила на мизинце. Вещи, которые чувствуешь на руке и которые напоминают, что ты — здесь.

Она встала, подошла к окну. За стеклом — серый город. Небо серое, море серое, дома серые, и только фонари кое-где — рыжие. Дина смотрела на двор, на детскую площадку, на которой никого не было — холодно уже, и мамы с колясками перебрались в торговый центр. На парковку, где чья-то «буханка» стояла вторую неделю и покрывалась инеем. На деревья, которые ещё не сбросили всё — держались за листву, жёлтую и мокрую, будто стыдно было стоять голыми раньше соседей.

Серый город. Дина любила его. Не за красоту — красоты здесь почти не было, — а за то, что он не пытался быть красивым. Он просто стоял, как стоял. Честный город.

— «Ваш профиль идеально подходит», — пробормотала она, перечитав строчку из письма. — Какой у меня профиль?

Она была актрисой. Точнее — хотела быть актрисой. Точнее — была, но не там и не так, как мечтала в семнадцать лет. Она снималась в рекламе — не в главной, а так, на заднем плане. Играла в любительском театре при Доме культуры — там хорошо было, там были свои, там она могла плакать на сцене и знать, что это — правильно. Ходила на кастинги — и иногда проходила, и тогда улыбалась неделю, и иногда — нет, и тогда покупала себе пирожное с заварным кремом и ела его на подоконнике, глядя на серый город.

Профиль. Может, они искали людей с «творческим бэкграундом». Может, они искали тех, кто не боится. Дина не боялась. Она вообще мало чего боялась — темноты не боялась, высоты не боялась, одиночества не боялась (одиночество она даже любила, оно было тихое). Боялась она только одного — что ничего не изменится. Что в сорок она будет так же ходить на кастинги и есть пирожные на подоконнике. Что звёздочки на календаре так и останутся — просто звёздочками.

Но об этом — потом. А пока — квест.

Дина положила фишку на стол, рядом с кружкой. Чай остыл, она подогрела его в микроволновке, вернулась, села. Позвонила Лере.

— Лер, мне пришло приглашение на квест. «Комната без окон». Слышала?

— «Комната без окон»? — Лера помолчала. — Неа. Какой-то новый?

— Новенький, да. Бета-тест. «Профиль идеально подходит для концепции». Прикольно, да?

— Прикольно-прикольно. А от кого?

— Обратного адреса нет. Но бумага дорогая. И фишка — металлическая, тяжёлая. С номером.

— С номером? — Лера засмеялась. — Как в лотерее. Четвёртая? Ну, четвёрка — это твоё число. Не тринадцать, и слава богу.

— Они всем номера прислали? Или только мне?

— Дин, я не знаю. Я на этот квест не записывалась. Мне «маньяк в больнице» хватило.

— Да ладно, тебе понравилось!

— Мне понравилось, что Серёга дверь выбил. А так — страшно было. Я потом две ночи спала со светом.

Дина засмеялась. Лера засмеялась. Они поговорили ещё минут пять — о погоде, о том, что яблоки в этом году мелкие, о том, что в «Рембрандте» выставка поменялась, и стоит сходить. Потом Дина попрощалась, допила чай, помыла кружку.

Восемь вечера. На улице — темно уже, октябрь, темнеет рано. Дина включила свет на кухне, убрала продукты, разложила по полкам. Поставила кастрюлю с водой для макарон — есть захотелось. Пока вода закипала, она снова взяла фишку со стола.

Четвёртая. Металл согрелся от воздуха в кухне, стал не таким холодным. Дина вертела фишку в пальцах, читала гравировку — тонкие линии, которые ловили свет лампы и блестели, как рисовые зёрна.

На улице — серый город. В кухне — жёлтые шторы, бабушкина машинка, остывающие макароны. Фишка номер четыре, тяжёлая и красивая.

Дина положила её на полку рядом с магнитиками. Париж, Рим, Стамбул. И маленькая металлическая фишка — между Стамбулом и магнитом в виде трамвая, который она купила просто потому, что трамвай был рыжий.

Она не знала, что в этот вечер, в этом городе, ещё восемь человек держат в руках такие же фишки. С номерами один, два, три, пять, шесть, семь, восемь и девять. Что каждый получил такое же письмо — на такую же плотную бумагу, с таким же типографским запахом, с той же формулировкой: «Ваш профиль идеально подходит для концепции».

Она не знала, что кто-то написал эту считалочку — по строке на каждого — и вырезал её на стене в комнате, где нет окон. Что считалочка начинается со слов «Девять вошли» — и что четвёртая строка звучит так: «Вторая разобьётся вместе с зеркалом».

Нет, не про Дину. Про неё — третья. «Третья пойдёт ко дну в тихой воде».

Хотя — нет. Стоп.

Дина — четвёртая. По номеру фишки.

А по считалочке?

«Вторая разобьётся вместе с зеркалом».

Нет. Дина — не вторая. Дина — первая.

«Первая падёт во тьме, не видя руки».

Дина не знала этого. Она стояла на кухне, ела макароны с сыром, смотрела на серый город, и думала о том, что на следующей неделе — квест. Что будет здорово. Что надо надеть удобную обувь. Что Лера, может, тоже запишется, если попросить.

Фишка блестела на полке, между Стамбулом и рыжим трамваем.

Восемь вечера. Октябрь. Серый город. Тихая кухня.

Всё было спокойно.

Всё было обыденно.

Пока — да.

Глава 1. Сбор на парковке

Артём приехал первым.

Не потому, что волновался — просто привык. На любой съёмочной площадке, на любом объекте, где он запускал свои квест-комнаты, он приходил за полчаса. Проверял замки, свет, вентиляцию. Привычка, которая осталась ещё с тех времён, когда он монтировал первые комнаты в гараже у друга — два на три метра, замок от калитки, реквизит из «Икеи» и фары вместо монитора. Тогда ему было двадцать три, и он думал, что создаёт развлечение. Теперь — двадцать восемь, и он думал, что создаёт что-то большее.

Машина — обычная, серая «Лада», которую он не мыл две недели, потому что не видел смысла: дождь в городе не кончается, он просто делает перерывы. Артём припарковался у дальнего края стоянки, заглушил двигатель, посидел минуту. На пассажирском сиденье — термос с кофе и маленький блокнот в кожаной обложке. Он открыл блокнот, перечитал последнюю запись. Закрыл. Убрал в бардачок.

Здание стояло перед ним — бывший завод «Респиратор», корпус третий. Длинное, приземистое, из того серого бетона, который с годами не стареет, а просто становится более собой. Часть окон — целые, с новыми рамами: это тот кусок, который Артём арендовал и перестроил. Остальные — выбиты или заколочены, и за ними — темнота, пыль и голуби, которые не знают, что завод закрылся.

У входной двери — табличка. Чёрная, с белыми буквами: «КВЕСТ-ПРОСТРАНСТВО "КОМНАТА БЕЗ ОКОН"». Ниже — мелким: «Бета-тест. Посторонним вход запрещён».

Артём вышел из машины, поставил термос на капот. Ветер был холодный, октябрьский, с запахом моря, который в городе не уходит, а только усиливается к вечеру. Артём стоял, смотрел на здание, и лицо у него было спокойное. Не напряжённое, не расслабленное — просто спокойное, как у человека, который точно знает, что будет дальше.

Второй — через десять минут — приехала Лена.

Не приехала, а подошла. Пешком, от остановки. Она вышла из автобуса, и Артём увидел её издали: высокая, в тёмном пальто, с сумкой через плечо и походкой человека, который ходит быстро не потому, что торопится, а потому, что привык. Психологи так ходят — они знают, что время не ждёт, и не любят тратить его на дорогу.

— Артём? — спросила она, подойдя. — Лена Миронова. Мне написали, что вы организатор.

— Артём Волков. Да, я. — Он улыбнулся и протянул руку. Рукопожатие у неё было крепкое, сухое, быстрое — рука человека, который жмёт руки двадцать раз на дню и не придаёт этому значения. — Добрый вечер.

— Добрый. — Лена огляделась. Посмотрела на здание, на табличку, на выбитые окна, на Артёма. — Знаете, я когда шла, думала: может, это розыгрыш. А письмо серьёзное. Бумага — я такую в руки последний раз держала, когда диплом защищала.

— Мы любим качество. Концепция — личная, и подача должна соответствовать.

— Концепция — квестов как инструмента групповой динамики. — Лена сказала это без вопросительной интонации, как констатацию. — Мне это интересно. Я работаю с групповой терапией, и мне всегда было любопытно, как стрессовая ситуация в замкнутом пространстве влияет на взаимодействие.

— Отлично. Мне как раз нужен кто-то, кто умеет читать людей. — Артём улыбнулся шире. Улыбка у него была хорошая — тёплая, немного асимметричная, левый угол рта выше правого. Улыбка, которой хочется верить. — Пойдёмте, подождём остальных внутри? Холодно.

— Нет, давайте здесь. Я хочу посмотреть, как они приезжают.

Артём посмотрел на неё — внимательно, но без нажима. Лена стояла, заложив руки в карманы пальто, и смотрела на дорогу. Её лицо было ровным, спокойным, с той профессиональной невозмутимостью, которую зарабатывают годами работы с чужими кризисами. Но глаза — карие, с тёплой рябью — были живыми. Она и правда смотрела на дорогу так, будто уже читала кого-то, кто ещё не приехал.

Третьим приехал Максим.

Чёрный «Ленд Крузер», тонированный, чистый — кто-то мыл его сегодня, хотя дождь. Выехал на парковку так, будто был один на свете — широкий, уверенный, с гудком, который он дал просто так, не потому, что кто-то мешал, а потому, что мог. Машина заняла два места — не специально, просто Максим парковался так, как ехал: широко.

Он вышел — большой, в кожаной куртке, с телефоном у уха. Говорил: «Да. Нет. После-завтра. Скажи им, что если не — то я найду других». Убрал телефон. Посмотрел на здание. Посмотрел на Артёма и Лену.

— Это квест? — спросил. Голос — громкий, низкий, привыкший к помещению, где больше тридцати человек и музыка.

— Это. Артём Волков, организатор.

— Максим Орлов. — Рукопожатие — тяжёлое, мокрое (рука потная, хотя холодно). — Мне пришло письмо. Думаю: почему бы нет. Жена сказала: «Макс, ты что, как ребёнок?» А я — почему нет? Надо же иногда.

— Конечно. — Артём улыбнулся. — Все так говорят.

— Кто все? — Максим оглядел парковку. — А мы одни?

— Остальные скоро.

Лена смотрела на него и молчала. Но Артём заметил, что она чуть сдвинула бровь — едва заметно, на миллиметр. Он уже начинал понимать, как она «читает людей»: не словами, не жестами, а мелочами, которые другие не видят.

Четвёртой приехала Дина.

Такси — жёлтое, старое, с рекламой шин на борту. Она вышла, расплатилась, сказала водителю: «Спасибо, удачи». Коротко и тепло. Артём заметил, что таксист улыбнулся — значит, она сказала это так, как говорит с людьми, и люди это чувствуют.

Дина была маленькая, в джинсовой куртке поверх худи, с рюкзаком и шарфом, который она намотала до подбородка. Волосы — каштановые, собранные в хвост, из которого выбивались пряди. Лицо — подвижное, живое, с теми бровями, которые двигаются, когда человек думает, и человек не знает об этом. Актриса. Артём сразу увидел.

— Дина? — спросил он.

— Да. А вы — организатор? — Она улыбнулась. Улыбка была открытая, чуть смущённая. — Я если честно, думала, что будет что-то... ну, более официальное. А здесь — парковка и ветер.

— Это часть концепции. Ничего лишнего.

— Понятно. — Она засмеялась. Звонко, коротко. — А я ужин не ела. Там еда будет? А то я на такси села голодная, думала — приеду, будет фуршет.

— Будет, — соврал Артём. Спокойно, без паузы. — После.

— Хорошо. — Дина сунула руки в карманы и притоптала. Ей было холодно, но она не жаловалась, просто двигалась — переминалась, ёрзала, смотрела по сторонам. Энергия была из неё, как тепло из батареи.

Пятым пришёл Виктор.

Пешком, не торопясь. Он вышел из-за угла здания — оттуда, где ряды старых гаражей уходили к жилому кварталу. Шёл медленно, тяжело, как человек, который привык ходить пешком, но не любит. Серый плащ, шапка, очки. Лицо — усталое, морщинистое, с тем выражением, которое бывает у врачей, когда они не на приёме, но всё равно на работе.

— Зайцев, Виктор Петрович, — представился он, и руку протянул первым — сухую, холодную. — Я здесь рядом живу. Два дома. Думал — пешком дойду, зачем машину гнать.

— Правильно, — сказал Артём. — Виктор Петрович, вы у нас, значит, по...

— По письму. Да. «Ваш профиль подходит». Я, честно говоря, не понял, какой у меня профиль, но — интересно. Я в квестах не бывал, но коллеги рассказывали. Говорят, психологически — полезная вещь.

— Вы врач?

— Врач. Терапевт. Восемнадцатый год. — Он снял очки, протёр, надел. — На пенсии. Уже.

Артём кивнул. Виктор достал из кармана пальто фишку — номер три — и повертел в пальцах. Руки у него были большие, грубые, не хирургические, а терапевтические: те, что слушают пульс, пишут рецепты, похлопывают по плечу.

Шестой подъехала Соня.

На маленькой «Мазде», заляпанной грязью по пояс. Она вышла с ноутбуком — не в сумке, а просто в руках, прижав к груди, как школьник дневник. Куртка — короткая, не по погоде, но на ней — значок: «Пресса». Старый, советский, который она нашла на барахолке и носила, потому что «смешно».

— Соня Кузнецова. Журналист. — Она сказала это быстро, чётко, будто зачитывала визитку. — Я буду писать о квесте, если он будет интересным. Если нет — не буду.

— Он будет, — сказал Артём.

— Посмотрим. — Соня огляделась, открыла ноутбук, что-то записала. Артём заметил, что она пишет быстро, не глядя на клавиатуру, и не закрывает ноутбук, когда заканчивает. Профессиональная привычка — всё записывать, ничего не закрывать.

— А вы всех нас выбрали? — спросила она, не отрываясь от экрана.

— Алгоритм. Мы собираем профили участников, чтобы группа была разной.

— Удобно. А что если кто-то не придёт?

— Все пришли. Значит, алгоритм работает.

— Пока. — Соня подняла взгляд. Глаза у неё были серые, внимательные, с тем прищуром, который у журналистов означает не недоверие, а привычку проверять. — «Пока» — это не «все».

Артём улыбнулся. Она не улыбнулась в ответ.

Седьмым появился Олег.

Он не приехал — он возник. Как будто вынырнул из-за угла, в наушниках, в худи, с капюшоном на голове, хотя было холодно и ветер кусал уши. Молодой, тонкий, с тем лицом, которое бывает у людей, которые много думают и мало говорят. Не от глупости — от того, что слова всегда медленнее мыслей, и это раздражает.

— Олег, — сказал он. Фамилию не назвал. Рука — не протянул. Не грубо, просто — не подумал. Или подумал, и решил, что не нужно.

— Артём. Организатор.

— Ага.

Олег снял один наушник, но второй оставил. Артём не сделал замечания — не его пока. Олег стоял, чуть покачиваясь, и смотрел на телефон. Экран светился, но он не читал — просто держал, как чётки.

Фишка номер шесть — в кармане худи. Артём знал, потому что металлический край чуть выступал из-под ткани. Он заметил. Лена, наверно, тоже.

Восьмой пришла Марина.

Тоже пешком, но не от гаражей, а от остановки, с другой стороны. Шла медленно, с прямой спиной и книгой в руке — «Педагогическая поэма», Макаренко. Артём подумал: странно,

что кто-то читает Макаренко для удовольствия. Потом подумал: может, она учительница. В письме профессии не указывались, но Артём знал.

— Марина Лебедева. — Голос тихий, ровный, с той чёткой дикцией, которая бывает у людей, привыкших говорить перед аудиторией. — Я получила приглашение. Честно говоря, не уверена, зачем пришла. Любопытство, наверное.

— Любопытство — отличный повод, — сказал Артём.

— Да, но я подумала — это ведь не просто игра, да? Формулировка в письме... «ваш профиль идеально подходит». Это что-то серьёзное.

— Это — квест. Сюрприз — часть формата.

Марина кивнула, но не улыбнулась. Она была из тех людей, которые не улыбаются, пока не поймут, что происходит. Осторожные. Артём таких видел много — и не только на квестах. Осторожность — не черта характера, а след. Она бывала после того, как человек однажды ошибся в доверии и запомнил.

Книгу она переложила в сумку. Фишку — номер семь — достала, показала Артёму: «Это для входа?» — «Да.»

Марина убрала фишку обратно, в маленький кармашек сумки, и застегнула молнию. Аккуратно, до конца.

Костя приехал последним.

Старый мотоцикл — «Урал», с коляской, без коляски — Артём не разобрал, темно уже. Звук — громкий, хриплый, как кашель. Мотоцикл въехал на парковку и заглох у края, будто сам устал. Костя слез, снял шлем, отряхнул волосы — короткие, тёмные, торчали во все стороны, как от статического электричества.

Он был большой. Не жирный, а — большой. Широкие плечи, большие руки, тяжёлые ботинки. Лицо — простое, открытое, загорелое не от солнца, а от ветра. Строительное лицо. Рабочее лицо. Лицо человека, который не боится ни холода, ни тяжести, ни раннего утра.

— Костя. — Голос — низкий, чуть хриплый, как мотоцикл. — Я не опоздал?

— Нет. — Артём посмотрел на часы. Было ровно семь. — Ровно вовремя.

— Я думал, опоздаю. Пробка на Дальней.

— Все на месте, — сказал Артём и обвёл взглядом парковку. — Девять.

Девять человек стояли полукругом перед входом. Фонарь над дверью бросал жёлтый свет — неровный, с дрожью, потому что лампа перегорала с одного края и мигала, как нервный тик. В этом свете — девять лиц, девять пар рук, которые кто-то прятал в карманы, кто-то держал на виду.

Ветер дул. Запах — бетон, старый металл, мокрый асфальт и что-то ещё, заводское, въевшееся в стены за тридцать лет. Треснувшее стекло в одном из целых окон отражало фонарь, и казалось, что в здании — два огонька, один снаружи, один внутри. Второй — отражение, конечно. Но на секунду казалось, что внутри кто-то стоит и смотрит.

Артём вышел вперёд.

— Спасибо, что пришли. Я знаю, погода не подарок, место — не центр, и вообще — идти на квест в воскресенье вечером, когда можно сидеть дома с чаем и сериалом, — это требует доверия. Или любопытства. Или того и другого.

Несколько человек улыбнулись. Дина — открыто. Олег — нет. Соня записывала.

— Меня зовут Артём Волков, я организатор. Сейчас мы зайдём внутрь, я проведу инструктаж — правила, формат, что можно и чего нельзя. Коротко, пять минут. Потом — начинаем.

— А что с телефонами? — спросила Дина. — В письме было — изымаются.

— Да. Это часть формата. Никаких телефонов внутри. Вы получите их обратно, когда выйдете.

— А если мне позвонят? — Максим. Тон — не вопросительный, а требовательный.

— Вам перезвонят. — Артём улыбнулся. — Это два часа максимум. Ни один звонок не стоит двух часов.

— Вы не знаете, какой у меня бизнес, — сказал Максим, но без злости. Скорее — с удивлением, будто ему сказали, что солнце встаёт на западе.

— Знаю. Но два часа — это два часа.

Максим хмыкнул, но не стал спорить. Достал телефон, посмотрел на экран, проверил что-то. Убрал в карман.

— Ладно. Пошли.

Все двинулись к двери. Артём шёл первым, ключ — в руке. Ключ не обычный, а карточка — магнитная, чёрная, без надписей. Он приложил её к замку, и дверь щёлкнула. Щелчок был тихий, но в тишине парковки прозвучал как-то слишком громко. Будто не замок, а что-то другое — закрылось.

Или — открылось.

Лена шла последней. Она задержалась у двери, обернулась, посмотрела на парковку. Машины — джип Максима, маленькая «Мазда» Сони, серая «Лада» Артёма. Мотоцикл Кости, который уже остывал и тихо потрескивал. Жёлтое такси уехало. Двор — пустой. Окна завода — тёмные, с одним мигающим отражением фонаря.

Она обернулась и вошла. Дверь закрылась.

Глава 2. Вход

Дверь открылась внутрь, и первым делом всех накрыло запахом.

Не тем, снаружи — бетоном, мокрым металлом, морем. Другим. Свежим. Краска, штукатурка, новый линолеум — тот самый запах, который бывает в новостройках, когда ключи только-только выдали и ещё не успели набить квартиру мебелью и бытом. Запах, который говорит: здесь никто не жил. Здесь всё только начинается.

Артём встал у двери и держал её, пока все проходили. По одному, как в школу. Только Дина прошла и тут же потёрла нос — запах краски был резковат, и она чихнула.

— Будьте здоровы, — сказал Артём.

— Спасибо. — Дина потерла нос ещё раз. — Это вы недавно ремонт сделали?

— В августе. Два месяца назад. Проветривали, но — въедается.

— Ничего. Мне нравится. Как новыми кроссовками пахнет. Только кроссовки — маленькие, а тут — целое здание.

Коридор был длинный, метра четыре в ширину, с потолком, который уходил куда-то вверх — старая заводская высота, три с лишним метра, от которой после ремонта остались только голые бетонные перекрытия. Их не зашили, не опустили — оставили. И это было хорошо. Коридор дышал. Не давил, не сжимал, а просто — был.

Стены — белые, ровные, крашенные не той дешёвой водоэмульсионкой, которая лезет на пальцы, а чем-то плотным, матовым, таким, что свет ложился на неё мягко, без бликов. Свет — тёплый. Не лампы дневного света, не эти мёртвые больничные трубки, а обычные лампочки в настенных светильниках, тёплого жёлтого оттенка. Таких, какие бывают дома. На кухне. В коридоре у бабушки. Тех, что греют не только светом, но и цветом.

На стенах — фотографии. В рамках, под стеклом, в два ряда. Артёмовы квесты — прошлые, которые он «делал раньше». Артём шёл чуть впереди и указывал:

— Вот это — «Подвал», мой первый проект. Два года назад. Вот — «Хирургическая», медицинский триллер. А это — «Бункер», командный, на пятнадцать человек.

Фотографии были хорошие — профессиональные, с правильным светом, на которых люди в бахилах и фартуках смеются, кричат, ищут ключи под столами. На одном снимке — девушка с фонариком, которая стоит в тёмном проёме и закрывает глаза рукой. На другом — компания, которая обнимается после выхода, все мокрые и счастливые. Живые.

— А это — вы? — Дина ткнула пальцем в фотографию, где Артём стоял в группе, с табличкой «Команда организаторов». Молодой, в чёрной футболке, с той же асимметричной улыбкой.

— Это. Первый квест. Пятнадцать участников, все — незнакомцы. За два часа стали — командой.

— Стал — командой, — повторила Соня, глядя в ноутбук. Она шла и печатала, не натыкаясь на стены и не глядя под ноги. — Хорошая формулировка. Вы это заранее придумали?

— Нет. Так вышло.

Соня хмыкнула. Записала.

Коридор заканчивался дверью — не входной, а внутренней, которая вела в основной зал. Но до неё, справа, стоял стол. Обычный, деревянный, как в приёмной у врача. На столе — ящик. Чёрный, металлический, с прорезью сверху и замком — тоже электронным, маленьким, с красным огоньком, который мигал. Рядом — лежал листок бумаги, на котором от руки, аккуратным почерком: «Пожалуйста, положите телефоны в ящик. Они вернутся вам после прохождения».

Артём остановился у стола.

— Правила. Коротко. — Он говорил спокойно, без интонации тренера или аниматора. Просто — человек, который объясняет. — Девять комнат. В каждой — загадка. Решаете — переходите дальше. Не решаете — остаётесь. Время не ограничено, но я бы ориентировался на два часа. Может — меньше, может — больше. Зависит от вас.

— А сколько обычно? — спросила Дина.

— Обычно — час сорок. Но у вас — группа новая, формат новый. Бета-тест. Поэтому — не знаю. И это — честно.

— Честно — это хорошо, — сказала Дина и улыбнулась. Она нравилась Артёму. Он это не показывал, но он уже всех прочитал — за те пятнадцать минут на парковке и за те три минуты в коридоре. Дина — открытая, тёплая, немножко нервничает, но нервничает хорошо, как человек, который ждёт подарка. Максим — привык командовать, но сейчас — на чужой территории, и это его чуть раздражает. Виктор — усталый, вежливый, послушный. Олег — закрытый, но не враждебный, просто — в себе. Соня — работает, даже здесь. Марина — осторожная, всё проверяет. Костя — спокойный, как камень. Лена — читает его. И он — читает её.

— Телефоны, — сказал Артём и кивнул на ящик. — Пожалуйста.

Повисла пауза. Небольшая, на три секунды, но — была. Тот момент, когда все достают телефоны и держат их в руках, и никто не кладёт первым. Не потому, что боятся, а потому, что телефон — это последняя связь снаружи. С тем миром, где можно позвонить, написать, посмотреть, что там. Положить его в ящик — значит остаться здесь. Только здесь.

Максим достал первым. Положил — тяжело, будто не телефон, а ключи от машины. Следом — Виктор, аккуратно, экраном вверх. Олег — молча, быстро, будто отмахнулся. Соня — с паузой: она сначала закрыла ноутбук, потом — сохранила что-то на телефоне, потом — положила оба предмета. Дина — с улыбкой: «Ладно, мой потеряется без меня». Марина — последней из женщин, и клала медленно, с тем жестом, которым кладут вещь на хранение — нежно, будто напоследок. Костя просто бросил — не глядя, коротко, и телефон проскользил по дну ящика с металлическим шорохом.

Артём положил свой — тоже. Девятый. Ящик был полон — девять телефонов, лежащих друг на друге, как книги на библиотечной полке.

— Вот, — сказал он. — Теперь — все на равных.

Он закрыл ящик. Замок щёлкнул — коротко, сухо, как замок сейфа в кино. Только в кино — тише. Этот щелчок прозвучал так, будто что-то — закончилось. Артём убрал ключ — маленький, металлический, на брелке без надписи — в карман джинсов. Легко, привычно, будто ключи от квартиры.

Лена смотрела.

Она стояла чуть в стороне, у стены, и смотрела не на ящик, а на дверь — ту, через которую вошли. Артём заметил, но не подал виду. Он уже знал, что Лена — из тех, кто смотрит не туда, куда все. Она смотрит — на выход. На то, как выход устроен. На то, можно ли им воспользоваться.

— Артём, — сказала она. Спокойно, без нажима. — Я заметила: на входной двери — электронный замок. Не обычный, не механический. А на ящике с телефонами — тоже.

— Да. Электроника — удобнее.

— Удобнее. А как мы выйдем, если что-то пойдёт не так?

Артём улыбнулся. Та же улыбка — тёплая, асимметричная, которой хочется верить.

— Ничего не пойдёт не так.

— Это не ответ.

— Это — лучший ответ, который у меня есть. Но если хотите конкретику: дверь открывается изнутри. Кнопка — у выхода, в последней комнате.

— А если нам нужно выйти раньше?

— Раньше — нельзя. Формат — линейный. Вы идёте от первой комнаты к девятой. Выход — в девятой.

Лена не отвела взгляд. Она смотрела на Артёма так, как смотрят на пациента, который говорит «всё нормально», а руки дрожат. Не обвинительно, не подозрительно — внимательно. Профессионально.

— А если кому-то станет плохо? — спросил Виктор. Он стоял у стены, руки в карманах плаща, и голос у него был — ровный, врачебный, привыкший к тому, что «станет плохо» — это не абстракция, а протокол.

— Вы врач, — сказал Артём. — Вам виднее. Но аптечка — в каждой комнате. Стандартная, плюс успокоительное.

— А сигнальная кнопка? — Виктор. — Экстренный вызов? На случай — травма, паника, что угодно.

— Экстренный выход — через последнюю комнату. Если вы пройдёте все девять — вы выйдете.

— А если не пройдем? — Марина. Тихо, но — чётко.

— Вы пройдёте. — Артём сказал это так, будто не сомневался. И не в формате — в них. В людях. В том, что они — пройдут. И Артём это сказал — и все поверили. Или — почти все.

Лена не поверила. Но промолчала. Она умела молчать — не как Олег, который молчал, потому что не хотел говорить, а как человек, который молчит, потому что ещё не решил, что сказать.

— Аптечка — это хорошо, — сказал Виктор. — Но я бы хотел знать: есть ли здесь кто-то — кроме вас? Охрана? Медик?

— Я. — Артём улыбнулся. — Я — и организатор, и медик, и охрана. И ваш проводник.

— Один на девятерых?

— Хватит. Я знаю это здание как свои пять пальцев. И — не волнуйтесь: это квест, а не военные учения. Люди приходят, решают загадки, смеются, выходят. Уже двести человек прошло — ни одного инцидента.

— Двести, — повторила Соня. — А мы — двести первые?

— Вы — бета-тестеры. Вы — первые, кто пройдёт «Комнату без окон». Все остальные — это были другие квесты, другие комнаты. Эта — новая.

— Новая — значит, непроверенная, — сказала Марина.

— Новая — значит, первая, — ответил Артём. — И вы — первые, кто увидит.

Повисла пауза. Не тяжёлая — просто — пауза. Тот момент, когда все стоят и думают: остаться или идти. И каждый думает по-своему.

Дина подумала: «Ну и ладно. Пошли. Что мне будет?»

Максим подумал: «Через два часа выйду. Если не выйду — жена позвонит. Хотя — телефоны в ящике. Ну и ладно. Два часа. Я и больше ждал. На таможне.»

Олег ничего не подумал. Он просто стоял и ждал, когда все решат, потому что ему было всё равно. Ему было всё равно — почти всегда. Почти.

Соня записала: «Бета-тест. Первый прогон. Организатор — единственный сотрудник на объекте. Телефоны изъяты. Выход — через последнюю комнату.»

Марина подумала: «Зачем я пришла? Зачем? Дома — чай, книга, кот. А здесь — холодный завод и человек, который улыбается слишком спокойно.»

Костя ничего не думал. Он стоял, широко расставив ноги, и смотрел на стену. На стене — трещина, тонкая, как волос, идущая от потолка до середины. Он думал: «Перекрытие — бетонное, трещина — усадочная, не опасная. Несущая стена — целая. Здание — крепкое.»

— Ну что, — сказал Артём. — Пойдёмте?

И все пошли.

Дина — первой. Не потому, что храбрая, а потому что — нетерпеливая. Она всегда была нетерпеливой: в школе — первой вставала, когда звенел звонок, на кастингах — первой заходила в дверь, в очереди в магазине — первой замечала, что касса свободна. Жизнь — короткая, зачем ждать?

Остальные — за ней. По одному, по двое, шаркая ногами по новому линолеуму, который ещё не примялся и пах — свежо, резиново, как новые шины.

Коридор шёл прямо, без поворотов, и в конце его — вторая дверь. Тяжёлая, металлическая, с электронным замком — таким же, как на входной. Красный огонёк мигал, и в тёмном коридоре — это выглядело как единственное живое существо. Маленький, мигающий, красный глаз.

Артём подошёл к двери, приложил карточку. Щелчок. Дверь открылась — тяжело, с таким звуком, будто за ней — что-то большое, что-то, что держали закрытым, и теперь оно подаётся, неохотно, по миллиметру.

За дверью — свет. Тёплый, мягкий, из настенных ламп. Первая комната.

Лена шла последней. Она обернулась — на коридор, на ящик с телефонами, на входную дверь с мигающим замком. Дверь за ними закрылась — не хлопком, а тихо, плавно, с гидравликой, как двери в хороших магазинах. Закрылась — и замок мигнул: красный, красный, красный.

Она обернулась и пошла за остальными.

За ней — закрылась и вторая дверь. Тоже тихо. Тоже с гидравликой.

Гул вентиляции — ровный, негромкий, постоянный — был единственным звуком в коридоре. Ровный, как дыхание. Как будто здание — дышало.

Или — ждало.

Воздух в коридоре — тёплый, нагретый вентиляцией, с привкусом краски и бетона. И ещё — что-то. Едва уловимое, почти неуловимое, на самом краю обоняния. Не запах — скорее — ощущение. Как в комнате, где недавно кто-то был, но уже ушёл, и остался только — след. Тень запаха. Типографская краска, которую Дина чувствовала в письме, когда открывала конверт на своей кухне.

Или — показалось. Вентиляция гонит воздух по трубам, в которых — всё что угодно. Краска, бетон, пыль, воспоминания.

Красный огонёк мигал. Мигал. Мигал.

Потом — перестал. Замок загорелся ровным, немигающим красным.

Заперто.

Глава 3. Первая комната

Комната была — уютная.

Это первое, что все подумали. Не «страшно», не «мрачно», не «что это такое» — а «уютно». Как будто кто-то постарался, чтобы ты вошёл и не захотел уходить.

Небольшая, метров двадцать. Стены — серые, но не заводским серым, а тёплым, как асфальт после дождя, когда лужи уже высохли, а цвет остался. На стенах — ничего. Ни картин, ни плакатов, ни фотографий. Голые, но не голые — просто — чистые. Будто их оставили такими нарочно, чтобы потом — потом что-то появится.

Слева — два дивана. Не новые, но — ухоженные. Обивка — тёмно-зелёная, велюровая, с тем ворсом, который меняет оттенок, если провести рукой. Дина провела. Ворс лёг — и поднялся обратно, медленно, как трава, на которую наступили.

— Уютно, — сказала она. — Прямо как у бабушки на даче. Только у бабушки — плед с фланелевыми котами, а тут — дизайн.

— Дизайн — это плед без котов, — сказал Артём. — Тот же принцип.

Дина засмеялась. Садилась на диван — осторожно, как садятся на чужую мебель, не зная, выдержит ли. Выдержал. Мягкий, но не проваливающийся. Такой, на котором можно сидеть долго, и спина не затечёт.

Остальные входили медленно. Комната была небольшой, и девять человек — это много. Не толпа, но — тесно. Не физически, а — по воздуху. Воздуха хватало, вентиляция работала, но было ощущение, что каждый вдох — чуточку короче, чем снаружи.

Посередине — стол. Невысокий, деревянный, тёмный — не дуб, а что-то дешевле, но покрашенное под дуб. На столе — конверт. Такой же, как те, в которых приходили письма. Белый, плотный, без надписи. И рядом — ничего. Пустой стол. Конверт — и пустота.

Справа от двери — табло. Электронное, старого типа, с красными цифрами на чёрном фоне. Как на вокзале, только — одно слово. Цифра: 9.

— Девять, — прочитал Олег. Первое, что он сказал за всё время. Голос — тихий, почти неслышный, но в этой комнате, где все молчали и смотрели на конверт, — прозвучал.

— Девять, — повторил Артём. — Это — счётчик. Комнат — девять. Человек — девять. Начинаем с девяти.

— И что, — Максим стоял у стены, руки скрещены на груди, — с каждой комнатой — минус один?

Он сказал это как шутку. Никто не засмеялся. Максим кашлянул и перестал шутить.

— Нет, — сказал Артём. — Счётчик — это количество комнат. Человек — не убывает. Все девять — идут до конца. Вместе.

— Надеюсь, — сказала Лена. Тихо. Себе под нос. Но Артём услышал.

Артём подошёл к столу, взял конверт. Повертел в руках — так же, как Дина крутила фишку на кухне, только — без улыбки. Аккуратно, будто знал, что внутри, но не торопился. Потом — вскрыл. Не ножом, а пальцем, по кромке, ровно. Бумага внутри — та же, что и в письмах. Плотная, типографская, с запахом, который все уже узнали: краска, тёплая, чуть горьковатая.

— Добро пожаловать, — начал Артём. Читал вслух, ровно, без выражения, как читают правила — не чтобы удивить, а чтобы — понятно. — «Перед вами — девять комнат. Каждая — это история одного из вас. Чтобы пройти дальше, нужно решить загадку. Но помните: каждая комната помнит то, что вы забыли».

Он замолчал. Положил лист на стол. Все смотрели на лист. Лист лежал на тёмном дереве, белый, с ровными строками, и казался — неопасным. Обычная инструкция. Обычный текст. Но одна строчка — выделялась.

Каждая — это история одного из вас.

Соня первая.

— Что значит «история одного из нас»? — Она не спрашивала — требовала. Голос — ровный, профессиональный, но с тем нажимом, который бывает, когда журналист понимает: здесь — не то, что ему сказали. Здесь — что-то другое. — Это что — персональные данные? Вы собирали информацию о нас?

— Это часть концепции, — Артём пожал плечами. Естественно, легко, будто его спрашивали про цвет обоев. — Персонализированный квест. Вы заполняли анкеты при регистрации, помните? Там были вопросы — о ваших страхах, о воспоминаниях, о том, что вас тревожит. Мы — на основе этого — создавали комнаты.

— Анкеты? — Дина подняла брови. — Я не заполняла никакую анкету.

— При регистрации, — повторил Артём. — Когда вы получили письмо и подтвердили участие — на сайте. Ссылка была в письме.

— В письме не было ссылки, — сказала Марина. Тихо, но — чётко. — Я перечитала. Дважды. В письме — адрес, время и фишка. Никакой ссылки. Никакого сайта.

— Может, в другом письме? — Артём чуть нахмурился. Будто сам — не понимал. — Регистрация обычно — через сайт. Заполнение анкеты — обязательное условие. Без неё — мы не подбираем комнаты.

— Я не заполнял, — сказал Олег. Коротко. Без объяснений.

— Я тоже, — Виктор. — Я подумал — просто прийти и пришёл. Зачем анкета для квеста?

— И я, — Костя. — У меня и интернета на телефоне — на тот момент не было. Тариф кончился. Я письмо получил — и пришёл. Как написано.

Артём стоял с листом в руке и смотрел на всех. Лицо — ровное, спокойное, но — что-то в нём шевельнулось. Не тревога — скорее, замешательство. Настоящее или сыгранное — никто не понял.

— Странно, — сказал он. — Анкета — это базовый этап. Без неё — комната не подбирается. Если вы не заполняли... — Он помолчал. — Тогда — я не знаю, как система вас отобрала.

— Может, система умнее, чем вы думаете, — сказала Лена. Она стояла у двери, и голос у неё был — профессиональный, клинический, с тем спокойствием, которое бывает, когда врач видит симптом, но ещё не ставит диагноз. — А может — кто-то заполнил за вас.

— Кто? — Артём.

— Это вопрос к вам. Вы — организатор.

Повисла тишина. Не та, которая бывает, когда нечего сказать, а та, которая бывает, когда — есть что сказать, но — не сейчас. Не здесь. Не при всех.

— Ладно, — сказал Артём. — Значит, анкет — не было. Значит, комнаты — не персонализированы. Или — персонализированы, но — не нами. — Он помолчал. — Это не страшно. Просто — сюрприз. Формат — новый.

— Сюрприз — это когда торт выезжает, — сказала Соня. — А когда о тебе знают то, чего ты не рассказывал, — это не сюрприз. Это — слежка.

— «Слежка» — сильно сказано, — Артём. — Мы — не следим. Мы — создаём. И если комната знает о вас что-то, чего вы не рассказывали, — значит, это что-то — можно узнать. Из открытых источников. Соцсети, интервью, публичные страницы. Все вы — публичные люди, в той или иной степени.

— Я — не публичный, — сказал Олег.

— Вы — программист. Ваш профиль на сайте вакансий — публичный. Ваш профиль в соцсети — публичный, хотя вы ничего не публикуете. Это — уже информация.

Олег замолчал. Не потому, что согласился, а потому, что — нечего было сказать. Артём был прав. Профиль — публичный. Но «публичный профиль» и «история одного из вас» — это разные вещи. Одно дело — профессия и город. Другое — «то, что вы забыли».

— Хорошо, — сказал Артём. — Давайте не будем искать проблему там, где её пока нет. Текст — это текст. Концепция — это концепция. Давайте — посмотрим, что дальше.

Он положил лист на стол. Все — переглянулись. Дина — на диване, Марина — стоя у стены, Костя — у двери. Никто не хотел быть первым, кто скажет: «Что-то здесь не так». Потому что — все уже это думали. Но — пока — это была просто мысль. А мысль — не факт.

И в этот момент — проектор включился.

Никто не заметил, где он. Он был — в потолке, в небольшом углублении, прикрытом решёткой. Маленький, короткофокусный, направленный на стену — на ту, что была напротив двери, пустую и серую. И он включился — сам. Без щелчка, без команды. Просто — свет. Белый. Яркий. И на стене — текст.

Белые буквы на серой стене. Крупные, чёткие, с ровными засечками. Как в книге, только — на стене. И — строка за строкой, медленно, будто кто-то пишет — рукой, сейчас, здесь, в этой комнате.

Девять вошли в комнату без окон, Девять душ, девять секретов. Первая падёт во тьме, не видя руки.

Три строки. И — всё. Текст не продолжался. Проектор — светил, но больше ничего не выводил. Только эти три строки. Белые на сером, как надпись на надгробии, только — без камня.

Все читали. Медленно, по одному, каждый — в своём темпе. Дина — губами, чуть шевеля ими, как читают стихи в школе. Соня — глазами, быстро, и тут же — потянулась к ноутбуку, но вспомнила, что ноутбука нет. Только блокнот. Она достала блокнот и ручку — из сумки, которую не сдала, потому что в правилах было «телефоны» и «ноутбуки», а не «блокноты». Записала. Быстро, без сокращений.

Виктор прочитал и снял очки. Протёр. Надел. Прочитал снова. Его губы не двигались, но глаза — бегали по строкам, как по протоколу, вычитывая.

Марина стояла у стены и смотрела. Не моргая. Книга Макаренко — в сумке. Руки — опущены. Она читала и — не двигалась, будто текст держал её, как верёвка.

Костя — прочитал быстро, одним взглядом. Почти — небрежно. Но его рука, та, в которой была фишка, — сжалась. Чуть. На полсантиметра. Он и сам не заметил.

Олег — смотрел в пол. Он прочитал, но не смотрел на стену. Он смотрел вниз, на свои ботинки, на линолеум, на шов между плитками. Он не хотел — смотреть.

Максим — прочитал и нахмурился. Его лицо — большое, красное от холода, — покраснело сильнее.

— Это что, шутка? — спросил он. Голос — громкий, как в баре, но в этой комнате, с этими стенами, он прозвучал — не к месту. Слишком громко. Слишком — живо для текста, который был на стене.

— Это антураж, — сказал Артём. Спокойно. Будто текст на стене — это обои. Декорация. Часть оформления, не более.

— Не смешной, — Максим.

— Триллеры редко бывают смешными.

— Триллеры — это кино. А тут — живые люди. И написано — «падёт во тьме». Это — угроза?

— Это — стих. Считалочка. Формат — такой. Мы — создаём атмосферу. Вы — читаете, входите в настроение, решаете загадку. Всё.

— Считалочка, — повторила Соня. Она закончила записывать и смотрела на стену. — Считалочки — про то, кто водит. «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять». А тут — «падёт во тьме». Это не считалочка. Это — предсказание.

— Это — текст, — сказал Артём. — Не больше.

— А кто его написал? — Лена. Она стояла у двери и не двигалась. Та же поза, что и в коридоре: руки в карманах, спина прямая, взгляд — на Артёма. — Если анкет не было, если комнаты — «не персонализированы», то — кто написал этот текст? Кто знал, что нас — девять? Кто знал, что мы — «с секретами»?

— Я знал, что вас — девять. Я — приглашал.

— А «секреты»?

— У каждого — есть секреты. Это — не обвинение. Это — факт.

— Факт — да. Но — от факта до «каждая комната помнит то, что вы забыли» — дистанция. И мне — не нравится эта дистанция.

Артём посмотрел на Лену. Долго. Без улыбки. Впервые за весь вечер — без улыбки. И лицо у него было — не злое, не испуганное, а — внимательное. Как у человека, который слышит то, что ему говорят, и думает. Думает — серьёзно.

— Лена, — сказал он. — Я понимаю. Текст — сильный. Язык — жёсткий. Но я — организатор, а не автор. Комнату — делала команда. Тексты — писали копирайтеры. Я — только запускаю. И — провожу. Если вам некомфортно — я могу остановить квест. Прямо сейчас. Но — выход — через последнюю комнату. Другого выхода — нет. Это — технически.

— Технически, — повторила Лена. — Хорошее слово. Технически — нет выхода. По-человечески — вы можете открыть дверь.

— Не могу. Замок — электронный. Код — меняется после закрытия. Откроется — только после прохождения всех комнат.

— Это — небезопасно, — сказал Виктор. — Не по-медицински. В любом групповом мероприятии — должен быть аварийный выход.

— Есть. Последняя комната.

— Это не аварийный выход. Это — нормальный. Аварийный — когда сразу.

Артём помолчал. Потом — достал из кармана ключ. Тот самый, маленький, металлический, на брелке. Показал.

— У меня — ключ от входной двери. Я могу — открыть. Но тогда — квест закончен. Для всех. Без возврата. Бета-тест — провален. Вы — уедете домой. И — больше ничего.

Он убрал ключ в карман. Спокойно. Будто — ничего не произошло.

— Я — не хочу останавливать, — сказала Дина. Все повернулись. Она сидела на диване, поджав ноги, и фишка — номер четыре — лежала на колене. — Мне — интересно. Да, текст — жутковатый. Да, «падёт во тьме» — это не «раз, два, три, четыре, пять». Но — это квест. Мы — пришли сюда, чтобы — испугаться. Немного. Правильно? Мы — пришли — за этим.

— За этим — да, — сказала Соня. — Но не за этим.

— А за чем?

— Не знаю. Но — не за тем, чтобы нам — угрожали.

— Это не угроза, — сказал Артём. — Это — атмосфера. Каждый квест — начинается с завязки. Это — завязка.

— Завязка, — повторила Соня. Записала в блокнот. Подчеркнула.

В комнате — тишина. Но не та, которая была вначале, когда все вошли и смотрели на диваны. Другая. Тяжелее. Будто воздух — стал плотнее, будто стены — чуть сдвинулись, будто потолок — чуть опустился. Не физически — конечно, нет. Но — ощущение было. Как в лифте, когда двери закрываются и кабина — ещё не поехала, но ты уже — не снаружи.

Дина жала фишку. Четвёрка — в её ладони, тяжёлая, тёплая от тела. Гравированные линии — на подушечке пальца, как отпечаток. Она вертела фишку, и металл — блестел в тёплом свете настенных ламп. Маленький, круглый, с кантиком по краю. Как монета. Как жетон. Как — пропуск.

Костя — тоже держал фишку. В правой руке, в кулаке, крепко, будто — оружие. Не смотрел на неё — просто — держал. Его фишка — номер восемь. Он не знал, почему —

восемь. Может, потому что — последний. Может, потому что — случайно. Он не думал об этом. Он думал — о другом. О тексте на стене.

Первая падёт во тьме, не видя руки.

«Первая, — думал Костя. — Не — первый. Первая. Женский род. Значит — женщина. Значит — одна из четверых. Дина, Соня, Марина, Лена. Или — комната. Комната — тоже — женского рода. Комната падёт?»

Он не додумал. Не любил — додумывать. Строитель — не додумывает. Строитель — измеряет, считает, ставит. Если — не сходится — переделывает. Если — сходится — значит, правильно. А «падёт во тьме» — не сходится ни с чем. Это — слова. А слова — не бетон. Их нельзя — потрогать.

Олег — не смотрел на стену. Он сидел на диване, рядом с Диной, и смотрел в пол. Его фишка — номер шесть — в кармане худи. Он не доставал. Он не хотел — доставать. Он не знал — почему. Просто — не хотел.

Марина стояла у стены. Она перечитывала текст. Губы — шевелились. Она читала — как учительница, которая проверяет, правильно ли — написано. «Падёт» — с «ё». «Не видя» — без запятой. «Девять» — через «е». Она всегда это замечала. Ошибки. Опечатки. Неточности. Она не могла — не замечать. Тридцать лет — в школе, где слово — главное, и где ошибка — это не «опечатка», а — «небрежность». «Небрежность — это неуважение к слову», — говорила она своим ученикам. Каждый раз. Каждый год. Тридцать лет.

Здесь — ошибок не было. Текст — был чистый. Грамотный. Это — пугало больше, чем смысл. Потому что — смысл можно — не понимать. А грамотность — понимают все.

— Ну что, — сказал Артём. — Идём дальше?

Его голос — тёплый, спокойный, привычный. Голос человека, который знает, что делает. Который — не боится. Который — улыбается.

И все — посмотрели на него. Девять пар глаз. Девять человек, которые — не знали, что их ждёт, но — стояли. И сидели. И держали фишки в руках, в карманах, на коленях. Девять фишек. Девять номеров. Девять — секретов.

— Идём, — сказал Максим. Первым. Решительно, как — всё, что он делал. — Время — деньги. Даже в квесте.

— Идём, — повторила Дина. Встала с дивана. Фишку — в карман.

— Идём, — сказал Костя. Тихо. Просто — чтобы — не молчать.

Артём подошёл к стене — не к той, на которой текст, а к соседней. На ней — ничего не было. Чистая, серая стена. Он нажал — куда-то, в угол, на выключатель, которого никто не видел. Стена — сдвинулась. Не целиком, а — часть: панель, метр на два, которая открылась внутрь, как дверь, замаскированная под стену. За панелью — коридор. Короткий, метра три, и в конце — ещё одна дверь. Тяжёлая, тёмная, без ручки.

— Вторая комната, — сказал Артём. — Первая загадка. За этой дверью — то, что вы должны решить. Внутри — темно. Это — часть задачи.

— Насколько — темно? — спросила Дина.

— Полностью.

— Совсем-совсем?

— Совсем-совсем. Но вы — справитесь. — Он улыбнулся. Та же улыбка. Тёплая, асимметричная, которой — хочется верить.

Проектор за ними — всё ещё светил. Текст на стене — всё ещё горел. Белые буквы на сером бетоне. Три строки, которые — все знали наизусть. Потому что — короткие. Потому что — жуткие. Потому что — запомнились.

Девять вошли в комнату без окон, Девять душ, девять секретов. Первая падёт во тьме, не видя руки.

Дина обернулась — на текст. В дверном проёме, уже наполовину в коридоре, она обернулась и посмотрела. На три строки. На белые буквы. На стену, которая — помнила.

Первая падёт во тьме.

— Дина! — окликнул Максим. — Ты идёшь или нет?

— Иду, — сказала она. И пошла. Не оглядываясь.

За ней — остальные. По одному, по двое, шаркая по линолеуму, который скрипел под ботинками. Тёмный коридор. Тяжёлая дверь. И — за ней — темнота.

Артём шёл последним. Он остановился у проектора, посмотрел на текст. Три строки. Белые на сером. Он — знал их наизусть. Не потому, что прочитал. Потому что — написал. Не сам — рука была другая, но — слова были его. Его — и ещё одного. Того, кто — не пришёл. Того, кто — не мог прийти.

Он выключил свет. Проектор погас. Текст исчез. Стена — стала стеной. Серой, пустой, обычной.

Но текст — остался. Не на стене. В головах. В глазах. В руках, которые сжимали фишки — крепче, чем раньше.

Артём вошёл в коридор. Дверь за ним закрылась.

Тихо. Плавно. С гидравликой.

И — темнота.

Глава 4. Тёмная комната

Дверь открылась, и из неё пахнуло.

Не холодом, не запахом, а — отсутствием. За дверью не было ничего: ни света, ни звука, ни запаха. Просто — пустота. Чёрная, густая, как чернила.

Артём стоял у проёма и говорил, и его голос звучал обычно, но в темноте, которая началась прямо за порогом, слова теряли объём. Будто темнота их глотала.

— Это сенсорная комната. Задача — найти выключатель. Он где-то на стене. Подсказка — звук. Каждый из вас услышит свой звук: кто-то шаги, кто-то музыку, кто-то голос. Идите на звук. Кто первый найдёт выключатель, тот открывает следующую дверь.

— И всё? — Дина стояла первой, прямо за Артёмом. — Просто — найти выключатель в темноте?

— Просто. Но не легко.

— А свет? Хотя бы — слабый, — попросил Виктор. — Полоска, индикатор, что угодно.

— Света не будет. Это — сенсорная депривация. Задача — ориентироваться без зрения. Это — безопасно. Стены — мягкие, пол — ровный. Ничего — нет.

— «Ничего нет», — повторила Лена. Не вопросительно. Просто — повторила.

— Ничего, — подтвердил Артём. — Заходите. Медленно. Руки — перед собой.

Первой вошла Дина. Конечно, первой. Она всегда входила первой — в кастинги, в аудитории, в вагоны метро. Жизнь короткая, зачем ждать.

Один шаг. Второй. Третий. Темнота — обнимала. Не холодная, не тёплая, не враждебная. Просто — везде. Дина вытянула руки и пошла вперёд, медленно, как слепая. Пол под ногами — ровный, бетонный. Обувь — кроссовки, мягкие, тихие. Она слышала свои шаги, и это было — нормально. Пока.

За ней — Костя. Его ботинки стучали громче, тяжело, как в коридоре школы на перемене. Потом — Соня, потом — Марина. Потом — остальные. Девять человек в темноте, каждый — на ощупь, каждый — сам.

Дверь закрылась. Тихо, плавно, с гидравликой. И темнота стала — абсолютной.

Не той, какая бывает ночью, когда глаза привыкают и различаешь очертания. Не той, какая в кино, где всегда — чуть-чуть света, чтобы зритель видел. Настоящей. Полной. Той, в которой руки перед лицом — не видны. Той, в которой ты — не видишь себя.

И — звук.

Низкий, ровный гул. Не громкий, но — везде. Сверху, снизу, со всех сторон. Не вибрация, не шум, а — именно гул, как будто где-то работает огромный механизм, и комната — внутри него. Гул, который не начинается и не кончается, а просто — есть. Как пульс.

— Ох, — сказала Дина. — Вот это — да.

— Что? — Максим. Голос — далеко, справа.

— Темно. Совсем.

— А ты что — думала, свет будет?

— Нет, но — не так же. Глаза — ничего. Вообще.

— Это — депривация, — сказал Виктор. Его голос — ближе, слева. — Сенсорная депривация. Глаза не привыкнут. Света — нет. Совсем.

— И что — делать? — Марина. Голос — ровный, но чуть выше, чем обычно. Контроль, который держится, но — на пределе.

— Идти. На звук. Как сказал организатор.

— А где он? Организатор?

— Я — здесь, — Артём. Голос — где-то у двери, позади. — Стою у стены. Не двигаюсь. Если нужен — зовите.

— «Зовите», — повторила Соня. — В темноте. Где никто никого — не видит.

— Свет может быть, — сказал Олег. Вдруг. Тихо, но — все слышали, потому что в темноте слух обострялся, и каждое слово звучало — объёмнее, чем в свете.

— Что? — Дина.

— У меня — часы. С фонариком. Маленький, но — есть.

— Ты чего — молчал?! — Максим. — Свети!

— Я только.

— Свети! Достань и свети!

Олег щёлкнул. Луч — тонкий, голубоватый, слабый — прорезал темноту, как нитка. Осветил — ничего. Пол, кусок стены, тень от чьей-то руки. И — погас.

— Что — выключил?! — Максим.

— Батарея. Она — на нуле. Один раз — и всё. Я — не знал, что — один.

— Отлично, — сказал Максим. — Просто — отлично.

Тишина. Не настоящая, потому что гул — продолжался. Но — тишина, в которой люди не говорили. Каждый — думал. Каждый — прислушивался.

Дина стояла и слушала. Гул — был везде, но — он менялся. Или ей казалось. Справа — чуть громче, слева — чуть тише. Она повернула голову и — услышала. Не гул. Другое. Что-то — тоньше, выше. Как — музыка? Нет. Как — голос. Далёкий, почти неслышный. Женский голос, который говорил что-то, но — слов не разобрать.

— Кто-нибудь — слышит? — спросила она. — Голос?

— Какой голос? — Костя.

— Женский. Справа.

— Я — слышу гул, — сказал Виктор. — И — стук. Как — сердцебиение.

— Это — твой, — сказала Лена. — Твоё сердце. В темноте — все слышат своё сердце.

— Нет, — Виктор. — Это — снаружи. Стук — снаружи.

— Я — слышу музыку, — сказала Марина. Тихо. Будто — стеснялась. — Старую. Как — из радио. Довоенного.

— Я — ничего не слышу, — Максим. — Кроме этого гула.

— Иди — на звук, — сказал Артём. — Каждый — на свой. Выключатель — там, где звук — громче.

Дина двинулась вправо. Медленно, руки перед собой, шаг — короткий, как на эскалаторе. Голос — становился отчётливее. Не громче, а — яснее. Женский голос. Молодой. Она не разбирала слов, но — интонацию чувствовала. Грусть. Тоску. Что-то — знакомое.

Она шла, и под ногой — что-то хрустнуло. Не громко. Просто — хрустнуло, как будто наступила на песчинку. Она остановилась.

— Что? — спросил Костя. Он был — близко. Совсем рядом, она чувствовала его тепло.

— Ничего. Хрустнуло.

— Это — бумага. Под ногой.

— Бумага?

— Да. Лист. Я — чувствую. Под ботинком.

Костя присел. В темноте — на ощупь. Руки — по полу, пока не нашли. Лист. Обычный лист бумаги, сложенный вдвое. Он лежал посреди комнаты, будто его специально — положили. Посередине. Там, где — пройдут.

— Что там? — спросила Дина.

— Лист. Сложенный. Сейчас —

Костя развернул. В темноте — не видно. Он поднёс к лицу, но — темнота. Абсолютная.

— Не прочесть, — сказал он. — Темно.

— Дай — мне, — сказала Дина. — У меня — зажигалка. Для свечей. Тайфуны, отключения — у нас это часто.

Щелчок. Маленький огонёк. Оранжевый, дрожащий, тёплый. Лист — в руке Кости, Дина держала зажигалку над ним, и огонёк освещал их лица. Костя — близко, его большие руки, держащие лист. И — текст.

Дина прочитала.

«Она рассказала твои секреты, чтобы получить роль. Ты предала её ради сцены. Помнишь?»

Огонёк дрогнул. Дина — не двигалась. Лицо — белое, в оранжевом свете, как маска. Глаза — открыты, смотрят на текст, и в них — что-то. Не страх. Не удивление. Узнавание.

— Дин? — Костя. — Ты — что?

Она молчала. Зажигалка — дрожала в её руке, и пламя — дрожало, и тени — дрожали, и в этом дрожащем свете Дина была — белая, как бумага, которую она держала.

— Дина! — громче. Костя забрал у неё зажигалку. Лист — остался в её руке.

— Это... — Дина начала и остановилась. Губы — шевелились, но слов — не было. Она смотрела на лист, и в её глазах — было то, что бывает, когда человек вспоминает то, что — не хочет помнить. Не то что забыл. А — то, что — спрятал. Глубоко. Далеко. За магнитиками на холодильнике, за жёлтыми шторами, за пирожными на подоконнике.

— Что там написано? — Соня. Голос — резкий, требовательный, из темноты.

— Ничего, — сказала Дина. Быстро. Слишком быстро. — Это — подсказка. Часть квеста.

— Что — написано? — Соня не отступала.

— «Она рассказала твои секреты». — Дина прочитала вслух. Голос — ровный, но — на грани. Как струна, которую натянули ещё на полтона. — «Ты предала её ради сцены. Помнишь?»

Тишина. Даже гул — будто — стал тише.

— Это — про кого? — спросил Максим. Голос — осторожный, что было странно для Максима, потому что Максим не знал слова «осторожный».

— Не знаю, — сказала Дина. — Это — квест. Это — загадка. Это — не про меня.

— Дин, — Костя. Тихо. — Ты — побелела.

— Это — темнота. В темноте — все бледные.

— Нет. Ты — побелела. Я — вижу.

— Ты — ничего не видишь. Темно.

— Я — вижу тебя. Огонёк — здесь.

Дина вырвала лист из его рук. Смяла. Сунула в карман. Быстро, нервно, как прячут — улику.

— Забудь, — сказала она. — Это — часть квеста. Пошли — искать выключатель.

И тут — всё.

Гул — стал громче. Не резко, а — плавно, как кто-то поворачивал ручку громкости. Медленно, но — неумолимо. Гул — заполнял комнату, стенки которой — сужались.

— Что — происходит? — Марина. Голос — выше. Контроль — треснул.

— Громче, — сказал Виктор. — Громче, чем было. Это — часть...

— Это — не часть! — Соня. — Это — слишком! Звук — слишком громкий!

— Спокойно, — Артём. Голос — где-то у двери. — Это — аудиосистема. Уровень — повышается. Это — часть формата. Найдите выключатель — звук остановится.

— Найдите?! В темноте?! — Максим. — Мы — слепые, мы — ничего не видим!

— Идите — на звук. Выключатель — на стене. Справа.

Все двинулись. Разом. Девять человек, которые секунду назад стояли на месте, кинулись — в темноту, каждый — в свою сторону, каждый — к стене. Бег в темноте — это не бег, это — хаос. Руки — машут, ноги — путаются, тела — сталкиваются.

— Осторожно! — крикнул Виктор. Кто-то — толкнул его. Он упал, не сильно, но — упал. Ударился коленом о пол. Вскрикнул.

— Где — стена?! — Марина.

— Я — нашёл! — Костя. — Стена! Здесь! Я — трогаю стену!

— Идите — направо! — Артём. — Выключатель — справа!

— Направо — от чего?! — Максим. — Я — не знаю, где — направо!

— Направо — от двери!

— А дверь — где?!

Хаос. Гул — громче. Темнота — гуще. Люди — натываются, толкаются, дышат тяжело.

— Дина! — крикнул Костя. — Дина, где ты?!

Дина не отвечала. Дина — молчала.

Дина стояла посреди комнаты. Не у стены, не у двери. Посередине. С бумагой в кармане и с мыслью в голове, которая — глуше, чем гул.

«Она рассказала твои секреты, чтобы получить роль. Ты предала её ради сцены. Помнишь?»

Она — помнила. Конечно, помнила. Аня. Аня Волкова. Три года назад. Кастинг на роль в театре. Маленький театр, маленькая роль, но — настоящая. Не реклама, не задний план. Роль. И Дина — рассказала. На кастинге, режиссёру, между делом: «Аня — хорошая, но — нестабильная. У неё — проблемы. Она — не справится с нагрузкой». Сказала — тихо, мягко, будто — заботясь. А режиссёр — записал. Аня — не прошла. Дина — прошла. Роль — получила. Маленькая роль в маленьком театре, которая — ничего не изменила. Кроме одного: Аня — не получила. Аня — не прошла. Аня — не справилась. Не с ролью. С — жизнью.

Дина стояла и помнила. В темноте, в гуле, в хаосе чужих голосов и чужих рук. Она — помнила.

И не видела.

И не слышала.

Шорох — за спиной. Близко. Совсем близко. Как — дыхание. Как — кто-то стоит — вплотную. Дина повернулась, но — темнота. Ничего. Руки — вытянуты, но — пальцы — пустые.

— Кто — здесь? — прошептала она.

Тишина. Только — гул. И — шорох. Опять. Чуть — левее. Чуть — ближе.

— Кто — здесь?! — громче. Голос — сорвался. Хрипло, резко, как — струна, которая лопнула.

И тогда — хруст.

Громкий. Резкий. Сухой. Как — ветка. Как — кость. Как — что-то, что — ломается.

И — тишина.

Гул — остановился. Резко, будто — выдернули штепсель. И — тишина. Настоящая. Абсолютная. В которой — ничего. Ни звука. Ни голоса. Ни дыхания.

Секунда. Две. Три.

— Дина? — Костя. Первый. Он — позвал. Тихо, почти — шёпотом, но в тишине — это прозвучало как крик.

— Дина?! — громче. Тишина.

— ДИНА!

— Что — произошло? — Соня. — Что — было? Этот — звук?

— Где — Артём?! — Максим. — Артём, включите свет!

— Я — здесь. — Артём. Голос — ровный, но — быстрый. — Ищу — выключатель. Я — у стены.

— Ищите?! — Максим. — Вы — организатор! Вы — знаете, где — выключатель!

— Я — знаю, но — в темноте... Секунду.

Тишина. Секунды. Каждая — как минута. Каждая — как год.

Щелчок.

Свет.

Резкий, белый, холодный. Не тёплые лампы из коридора, не жёлтый уют первой комнаты. Другой. Люминесцентный, больничный, мёртвый. Белый, который делает всё — плоским, белым, неживым.

И все — увидели.

Комната — небольшая, метров двадцать. Стены — обиты чем-то мягким, серым, как в звукоизолирующей кабине. Пол — бетонный, ровный. Потолок — низкий, ниже, чем в коридоре, с двумя лампами, которые светили — вниз.

Дина — лежала.

На полу, посередине комнаты. Лицом — вверх. Глаза — открыты. Волосы — разметались, каштановые, с выбившимися прядями, которые теперь — не выбивались, а — лежали. Плечи — ровно. Руки — вдоль тела. Одна рука — согнута, пальцы — сжаты. В кулаке — фишка. Четвёрка.

На голове — след. Тёмный, мокрый, на виске, слева. Кровь — тёмная, густая, которая натекла по волосам и на пол, и на полу — пятно, которое расползлось, медленно, ровно, как — лужа после дождя.

Рядом — металлический фрагмент. Кусок — трубы, или — декорации, или — чего-то, что должно было быть частью квеста. Тяжёлый, ржавый на концах, с одного края — чистый, без ржавчины. Свежий. Острый.

Дина лежала и — не двигалась.

Виктор — первый. Врач. Он подошёл, присел, приложил пальцы к шее. Держал. Долго. Слишком долго.

— Виктор? — Лена. Голос — тихий, профессиональный, но — на дне, под спокойствием, — трещина.

Виктор убрал руку. Посмотрел на всех. Лицо — серое, старое, морщинистое, с тем выражением, которое бывает у врачей, когда они — знают, но — не хотят сказать. Когда слово, которое они должны произнести, — слишком тяжёлое, и они — держат его во рту, как камень.

— Она — мертва, — сказал Виктор. Тихо. Просто. Как — диагноз.

Тишина.

Не та, которая была в темноте. Другая. Светлая, жестокая, в которой — видно всё. Каждое лицо. Каждый взгляд. Каждый — жест.

Соня — стояла у стены, прижав блокнот к груди, и губы — шевелились, но — слов не было. Она — записывала. Всю жизнь — записывала. А сейчас — не могла.

Максим — стоял, ноги шире плеч, и лицо — красное, и руки — сжаты в кулаки. Он не кричал. Он — молчал. И в этом молчании — было страшнее, чем в крике.

Олег — сидел на полу, у стены. Сел — когда свет включился. Ноги — поджаты, руки — обхватили колени. Глаза — большие, тёмные, испуганные. Он — не смотрел на Дину. Он смотрел — в пол. Как — в темноте.

Марина — стояла, спиной к стене, и ладонь — прижата ко рту. Она — не кричала. Она — держала крик внутри, ладонью, обеими руками, и глаза — были мокрые, но — слёз не было. Слёзы — потом. Сейчас — шок.

Костя — стоял рядом с Диной. Ближе всех. Он — нашёл лист. Он — держал зажигалку. Он — видел её лицо, когда она прочитала. Он — последний, кто слышал её голос. И теперь — стоял и смотрел, как — кровь расползается по полу, медленно, ровно, и — не может отвести взгляд.

Артём — у стены. Бледный. Впервые — бледный, по-настоящему. Улыбки — не было. Лицо — ровное, но — белое, как — стена. Он смотрел на Дину и — молчал.

— Это — не квест, — сказала Соня. Голос — хриплый, сорванный, но — громкий. — Это — авария.

— Что-то — пошло не так, — сказал Артём. Голос — ровный, но — пустой. Будто слова — без содержания. Будто — он говорит, потому что — надо что-то говорить.

— Что-то — пошло — не так?! — Соня. Крик. — Она — мертва! Человек — мёртв! Вы — говорите — «что-то пошло не так»?!

— Я — не знал. Я — не видел. Темнота...

— Вы — организатор! Вы — всё — построили! Вы — знали, что — в комнате — темно! Вы — знали, что — люди — не видят! И — что? Один — кусок металла — и — всё?!

— Я — не знал, — повторил Артём. Тише. — Я — не знал.

— Не знали — что? Что — она — умрёт? Или — что — в комнате — кусок трубы?

— В комнате — не должно было быть — ничего. Пол — ровный. Стены — мягкие. Я — проверял.

— Проверяли! — Максим. Голос — громкий, тяжёлый, как — его кулаки. — Кто-то — убил её. В — темноте. Кто-то — ударил. Кто-то — из нас.

Все — замолчали. Все — посмотрели — друг на друга. Девять человек. Нет. Восемь. Дина — лежала. Восемь — стояли, сидели, смотрели.

— Кто-то — из нас, — повторил Максим. Медленно. Глядя — на каждого. По очереди.

— Спокойно, — сказала Лена. Голос — ровный, клинический, привычный. Но — руки — дрожали. Чуть. Она их — опустила, чтобы — не видели. — Нужно — не паниковать. Нужно — думать.

— Думать?! — Соня. — Дина — мертва! Как — думать?!

— Именно — поэтому — думать. А не — кричать.

Лена посмотрела на Артёма. Долго. Внимательно. С тем взглядом, которым — смотрела на парковке, в коридоре, в первой комнате. Взглядом, который — читал.

— Артём, — сказала она. — Дверь. Через которую — вошли. Она — заперта?

Артём — не ответил. Он — шёл к двери. Нажал. Толкнул. Дверь — не поддавалась.

— Заперта, — сказал он.

— А — следующая?

Он — повернулся. Прошёл через комнату, обходя — тело, обходя — пятно, обходя — всех. К другой двери. Нажал. Толкнул. Заперта.

— Заперта, — повторил он. — Но — здесь...

Здесь — кодовый замок. Электронный, с цифрами. И — рядом, на стене, приклеенный скотчем, лист бумаги. С текстом:

«Чтобы открыть следующую дверь, решите загадку. Загадка — на обратной стороне подсказки, которую вы нашли».

Все — посмотрели на Дину. Точнее — на её карман. Тот, в который она — сунула лист.

Костя — подошёл. Медленно. Присел. Достал из кармана Дины — смятый лист. Развернул. Перевернул.

На обороте — ребус. Рисунки, буквы, стрелки. Знаки, которые — что-то значили.

— Лена, — сказал Костя. — Вы — психолог. Вы — решаете — головоломки?

— Я — решаю — людей. Но — давайте.

Лена взяла лист. Перевернула. Посмотрела. И — начала — решать.

А за её спиной — Дина лежала. Спокойная. Будто — спит. Лицо — ровное, без — боли, без — страха. Только — тёмное пятно на виске. И — кровь, которая — уже не текла, а — застыла. Чёрная, в холодном свете лампы.

И фишка. Четвёрка. В кулаке, который — не разжать.

И на стене, за спинами всех, проектор — включился. Сам. Без — щелчка, без — команды. Просто — свет. Белый. Яркий. На — серой стене.

Тот же текст. Считалочка. Три строки.

Девять вошли в комнату без окон, Девять душ, девять секретов. Первая падёт во тьме, не видя руки.

Первая строка — была — зачёркнута. Красной линией. Тонкой, ровной, как — учительской рукой. Зачёркнута — насквозь, через все слова, от — первой буквы до — последней.

Первая падёт во тьме, не видя руки.

Зачёркнуто.

Первая — пала.

Никто — не заметил. Все — смотрели на Дину. На — кровь. На — Лену, которая — решала ребус. На — Артёма, который — стоял, бледный, без — улыбки. На — друг друга.

Никто — не смотрел — на стену.

Кроме — Лены.

Она — увидела. Боковым зрением, краем глаза, не — поворачивая головы. Увидела — зачёркнутую строку. И — поняла. Не всё. Не — сразу. Но — одно: это — не авария. Это — не — «что-то пошло не так». Это — план.

Но — промолчала. И — продолжала — решать.

Потому что — дверь — заперта. А — единственный выход — через следующую комнату.

И — назад дороги — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.